

ПРИЧИНЫ ВХОЖДЕНИЯ СЕВЕРСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV - НАЧАЛЕ XVI ВВ. ГЛАЗАМИ ШЛЯХТЫ СМОЛЕНСКОГО ВОЕВОДСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПОЛИТИКА

Аннотация: Статья посвящена тому, какую роль играла историческая память католической шляхты Смоленского воеводства Речи Посполитой, получившей здесь владения после захвата этих земель во время Смуты в России, исследует причины перехода Северной и Смоленской земель под власть Москвы в конце XV – начале XVI вв. и выстраивание межрелигиозных отношений на территории воеводства. В ходе анализа автор приходит к выводу, что смоленская католическая шляхта всячески подчеркивала особую роль православного населения в захвате Северной и Смоленской земель Москвой, которые своими беспорядками подорвали обороноспособность этих пограничных территорий. Преследуемая «призраком» недавней «оккупации» этих земель, смоленская католическая шляхта настаивала на необходимости сохранения «единства веры» для сохранения Смоленского воеводства в составе Речи Посполитой и поэтому старалась всячески ограничивать права «схизматиков» и прочих религиозных «диссидентов», чтобы не допустить их «бунтов» и новой потери Северной и Смоленской земель.

Ключевые слова: Смоленское воеводство, Смоленская шляхта, межрелигиозные отношения в Речи Посполитой, Контрреформация в Речи Посполитой, религиозная нетерпимость в Речи Посполитой.

В начале XVI века обширные Северские и Смоленские земли, до этого находившиеся в составе Великого княжества Литовского, в ходе ряда русско-литовских войн начала XVI века вошли в состав Великого княжества

Московского примерно на 100 лет. В начале XVII века правящие круги Речи Посполитой, воспользовавшись сложнейшей ситуацией в Российском государстве, смогли заново захватить большую часть Смоленских и Северских земель. По условиям Деулинского перемирия 1618 года в состав Польско-литовского государства вошли Смоленск, Белая, Невель, Красный, Дорогобуж, Рославль, Почеп, Трубчевск, Себеж, Серпейск, Стародуб, Новгород-Северский, Чернигов¹. На большей части вошедших в состав Речи Посполитой земель было создано Смоленское воеводство в составе Великого княжества Литовского, состоявшее из двух поветов: Смоленского и Стародубского, центрами которых были Смоленск и Стародуб соответственно².

В 1620 году на территории воеводства начались земельные раздачи шляхте, при этом в королевских привилегиях каждому шляхтичу всегда отмечалась особая его обязанность участвовать в обороне местных городов³. Видимо, для создававшейся на территории пограничного Смоленского воеводства шляхетской корпорации оборона восточной границы Речи Посполитой от нападений Москвы играла очень важную роль. В таких условиях перед новыми

¹Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб, 1910. С. 148.

² Смоленщина в документах Литовской метрики первой половины XVII века. Владельцы и их маестности. Авт.-сост. В. А. Прохоров; ред. Ю. Н. Шорин. Смоленск, 2017. С. 6.

³ Думин С. В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618-1654 гг. (по материалам Литовской метрики) // Смоленская шляхта. Т. 1. М., 2006. С. 57-58.

местными властями не мог не встать вопрос, почему век назад Литва всё же потеряла Северщину и Смоленщину в пользу Московского государства. Какую же роль играла память о причинах потери Северщины и Смоленщины в конце XV – начале XVI века в жизни шляхты Смоленского воеводства в первой половине XVII века?

Нужно сказать, что перед началом польско-литовской интервенции в Россию в 1609 году в польской публицистике, очень часто подстегиваемой королевской властью, пропаганде и официальных заявлениях короля всегда подчеркивалось, что вторжение в Россию начинается для возвращения некогда оккупированных неприятелем Северской и Смоленской земель⁴. После захвата Смоленска в 1611 году шляхта Великого княжества Литовского на сейме поблагодарила короля за «возвращение» Смоленщины и Северщины в состав Польско-литовского государства и отметила важность возвращения земельных владений на «возвращенной» территории тем, кто потерял ее после 1514 года⁵. Как мы видим, в официозе Речи Посполитой в начале XVII века подчеркивалось то, что Смоленщина и Северщина являются неотъемлемой частью Польско-литовского государства, которые были временно «оккупированы» восточным неприятелем, однако какие-то особые причины этой «оккупации» не обозначались.

В 1623 году Сигизмунд III издал особый документ – «Прерогативу», в котором подчеркивалось, что шляхта Смоленского воеводства на двух сеймах просила, чтобы на территории воеводства «не была допущена никакая другая вера, кроме католической римской и русской, соединенной с римской церковью». Интересна их мотивация для такого радикального шага: как сказано в документе, они считали, что «различие в вере, разумении Господа Бога является причиной всякого несогласия, раздоров, бунтов и разрывов». В подтверждение своей

позиции смоленская шляхта приводила пример из истории «родного» края, когда в конце XV – начале XVI века «в правление королей... Казимира и Александра и великого князя Московского Ивана Васильевича *из-за Руси схизматиков* (курсив наш) произошли большие беспорядки и... княжество Северское, а за ним и княжество или воеводство Смоленское и много замков и провинций государства нашего Великого княжества Литовского *из-за этого...* были этим неприятелем заняты с помощью хитрости»⁶. Как мы видим, в данном документе, судя по всему, передается своеобразный взгляд шляхты Смоленского воеводства на причины потери Северской и Смоленской земель Литвой в конце XV – начале XVI вв., когда, как считали шляхтичи, по вине местных «схизматиков» произошли беспорядки и бунты, что способствовало тому, что Москва смогла «с помощью хитрости» захватить эти территории Великого княжества Литовского. Теперь же шляхта Смоленского воеводства, расположенного на большей части захваченных тогда Москвой территорий, преследуемая призраком недавней «оккупации» Северской и Смоленской земель неприятелем, просила короля запретить деятельность православной церкви на территории воеводства, чтобы «схизматики» своими «беспорядками» снова не ослабили оборону Северщины и Смоленщины от неприятеля и чтобы Москва снова не попыталась воспользоваться этим и отнять у Литвы эти территории. Сигизмунд III внял просьбам смоленской шляхты (тем более что «Прерогативу» подтверждал «референдарь и писарь Великого княжества Литовского» Александр Корвин Гонсевский, являвшийся тогда также и Смоленским воеводой⁷, и, возможно, он и был или одним из «панов и

⁴ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция и русское общество. М., 2005. С. 80-83.

⁵ Думин С. В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг. (по материалам Литовской метрики) // Смоленская шляхта. Т. 1. М., 2006. С. 54-55.

⁶ Флоря Б. Н. Прерогатива Сигизмунда III смоленской шляхте. К истории религиозной нетерпимости в Речи Посполитой первой половины XVII века // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XV–XVII вв. М., 1999. С. 141.

⁷ Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2003. S. 216-217.

урядников», через которых местная шляхта и попросила об издании документа, или даже сам инициировал издание «Прерогативы») и, «предотвращая повторение таких случаев в будущем», своей «Прерогативой» запретил на территории Смоленского воеводства и в королевских, и в шляхетских имениях, и во владениях духовенства деятельность любой церкви, кроме католической и униатской, чтобы «силы этой окраины... не были разделены домашними несогласиями и волнениями и не оказались в опасности»⁸. Видимо, король также разделял опасения смоленской шляхты насчет «схизматиков» на территории Смоленского воеводства.

Откуда же появился среди смоленской шляхты такой взгляд на причины захвата Северной и Смоленской земель Московским княжеством в конце XV – начале XVI вв.? Как справедливо отметил Борис Николаевич Флоря, большинство местных шляхтичей, получивших имения на территории Смоленского воеводства, были в прошлом солдатами и офицерами польско-литовской армии, которых с помощью выделения им земельных участков награждали за заслуги в войнах с православной Россией и протестантской Швецией в ситуации нехватки денег для выплаты им жалования⁹. Видимо, большая часть этих людей, будучи верной католической церкви, с большим подозрением относилась к «еретикам», в войнах с которыми она недавно участвовала. Также причиной такого отношения могли быть существующие конфликты между оставшимся на территории Смоленского воеводства русским населением и получившей здесь имения польско-литовской шляхтой, в которых русское население, как, возможно, казалось местной католической

шляхте, высказывает свою лояльность по отношению к России. Так, в 1620 году король Сигизмунд сообщал Литовскому канцлеру Льву Сапеге, что в Стародубе люди «народа московского» изменили и устроили бунт, желая уйти из города, но их выступление подавили¹⁰. Возможно, большого доверия не вызывали у местного католического дворянства и местные шляхетные «московиты» (русские дворяне, служившие Речи Посполитой во время Смуты, а потом получившие земли на территории Смоленского воеводства), что было особенно актуально в условиях пограничного с Россией положения воеводства. Так, еще в 1619 году король писал Льву Сапеге о том, что русских дворян Ингильдеевых зовут на службу в Москву их «доброжелатели», и они «сами желают там быть»¹¹. Видимо, опасались местные польско-литовской шляхтичи и влияния местного православного духовенства, которое осталось на некоторых территориях Смоленского воеводства, и их продолжавшихся контактов с Москвой (так, в начале 1620-х гг. архимандрит монастыря Рождества Богородицы в Стародубе Варлаам продолжал посылать грамоты в Москву, где даже сообщал о своей поездке в Киев и встрече с Киевским православным митрополитом Иовом Борецким¹²), что могло, как, возможно, казалось местной католической шляхте, плохо повлиять на лояльность местного населения по отношению к новой власти. Как сообщали выходцы из Речи Посполитой в России, новые власти на территории Смоленского воеводства с большим подозрением относились даже к местному униатскому епископу Сергию, который до 1611 года был православным русским епископом в Смоленске, а после в польском плену принял унию и позже стал уже униатским

⁸Флоря Б. Н. Прерогатива Сигизмунда III смоленской шляхте. К истории религиозной нетерпимости в Речи Посполитой первой половины XVII века // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XV–XVII вв. М., 1999. С. 141-142.

⁹Флоря Б. Н. Сведения о землевладении русских дворян конца XVI – начала XVII века в документах Литовской метрики. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1620-1640/Russ_zemlevlad_dorogobuz/text.htm (дата обращения: 28.01.2020).

¹⁰Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПб ИИ РАН). Колл. 114 (Коллекция Археографической комиссии). Оп. 1. III а – 30. Л. 1.

¹¹Архив СПб ИИ РАН. Колл. 114 (Коллекция Археографической комиссии). Оп. 1. III а – 28. Л. 1.

¹²Флоря Б. Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой в 20-е – 40-е гг. XVII в. // Revue des études slaves. Т. 80. Fasc. 2. 1998. P. 336.

Смоленским епископом. Согласно их утверждениям, он ничего не предпринимал для усиления униатской церкви в воеводстве, а местное русское население относилось к нему как к православному пастырю, и поэтому новая смоленская администрация (находившаяся в руках католической смоленской шляхты) даже не пускала к нему верующих «для благословения»¹³. Возможно, местная католическая шляхта боялась, что Сергей, будучи «москвитом», был не совсем лоялен по отношению к новым властям и мог сохранять какие-то связи с Москвой, тем самым плохо влияя на лояльность местного населения.

Также следует отметить, что пассаж об опасности религиозных раздоров и важности единства под сенью римской церкви мог прийти к смоленской шляхте напрямую из сочинений популярного тогда в Речи Посполитой католического публициста и полемиста Петра Скарги, который в своих памфлетах всегда жестко выступал против «еретиков» и говорил, что «единство Божьей веры создает согласие в королевстве, а ереси и разные веры разделяют королевства, и разделением их губят»¹⁴. Вообще, судя по всему, смоленская католическая шляхта, в особенности ее члены, игравшие в воеводстве решающую роль, например, смоленский воевода Александр Гонсевский, находились под сильным влиянием местных иезуитов, которые развернули достаточно активную деятельность в Смоленском воеводстве и которые вполне могли быть одними из вдохновителей таких исторических взглядов. Так, сами же смоленские иезуиты сообщали, что в 1619 году через посредничество Гонсевского король передал им землю на одной горе в городе для возведения коллегиума и костела с приходом, а в 1623 году снова через посредничество Гонсевского они получили от короля новые владения. Сам же Гонсевский в 1624 году, посчитав, как

сообщают иезуиты, недостаточной ту площадь, которой они уже владели, передал иезуитам купленный у одного шляхтича двор с прилегающими к нему землями, а в 1630 присоединил к владениям иезуитов свое село Пнево с 70 дворами и бывшую православную Спасскую церковь в Смоленске¹⁵. Как мы видим, смоленский воевода считал очень важной деятельностью иезуитов в воеводстве и сильно им благоволил.

Как мы видим, под влиянием всех этих факторов католическая шляхта Смоленского воеводства стала считать, что захвату Северской и Смоленской земель Москвой у Литвы в конце XV – начале XVI вв. способствовали местные «схизматики», которые своими «бунтами» ослабили Великое княжество Литовское, чем не мог не воспользоваться неприятель с востока. Чтобы этого не повторилось, смоленская католическая шляхта решила запретить деятельность православной церкви на территории Смоленского воеводства, чтобы держать местное православное русское население под контролем и нивелировать все возможные конфликты на религиозной почве таким радикальным способом – дабы не дать Москве, как в прошлом, использовать местных православных благодаря религиозному с ними единству и сыграть на религиозных разногласиях, представив себя «защитницей православия», и тем самым получить контроль над Северской и Смоленской землями.

Однако нужно отметить, что на территории Смоленского воеводства была не только католическая шляхта. К сожалению, мы не знаем, как местная православная шляхта оценивала причины вхождения Северской и Смоленской земель в состав Московского государства в конце XV – начале XVI вв. Так, в своем завещании 1626 года Юрий Никитич Трубецкой, бывший сторонник королевича Владислава во время Смуты, а потом получивший земли на территории Смоленского воеводства шляхтич, который сохранил верность православию, в своем завещании отмечал

¹³ Флоря Б. Н. Унійна церква на Смоленщині в 20 х – на початку 30 х років XVII століття // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Ч. 2. Львів, 2000. С. 89-90.

¹⁴ Цит. по: Аржакова Л. М. Турецкая тема в «Сеймовых проповедях» Петра Скарги // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. № 5. СПб., 2005. С. 79.

¹⁵ Лавровский Л. Я. Погодные записки смоленских иезуитов // Смоленская старина. Вып. 3. Ч. II. Смоленск, 1916. С. 28-29 (второй паг.).

лишь большую важность для себя лично и для всего своего рода служения Великому княжеству Литовскому, начавшегося еще при Великом князе Александре Ягеллончике¹⁶. Скорее всего, среди смоленской шляхты были и немногочисленные представители протестантизма. Так, в 1626 году территории Смоленского воеводства получил Ян Куновский¹⁷, который был не только ревностным протестантом и три раза назначался главой провинциального евангелическо-реформационного синода в Великом княжестве Литовском, но также был клиентом Александра Корвина Гонсевского, служившим в его гусарской хоругви во время похода королевича Владислава на Москву, а после выполнял поручения своего патрона во время войны со Швецией в 1621-1622 гг. За свои военные заслуги при посредничестве своего патрона в 1622 году он был назначен капитаном и войтом черниговским¹⁸. Видимо, благодаря посредничеству со стороны Гонсевского он и получил земельные владения в Смоленском воеводстве. В 1628 году он написал поэму «Смоленск великолепный» (*Zasny Smoleńsk*), в окончательной авторской редакции 1640 года переименованную в «Великолепие Смоленска» (*Smoleńska zasność*)¹⁹. Все свои произведения Куновский посвятил сыну своего патрона Кшиштофу Корвину Гонсевскому²⁰, однако ни Александр, ни его сын Кшиштоф не интересовались творчеством Куновского, и его произведения так и остались неопубликованными²¹. В своей поэме 1628 года «Великолепие Смоленска»

Куновский высказал свой взгляд на причину захвата Московским княжеством Северской и Смоленской земель у Литвы, отметив, что Москве сильно помогло «проклятое предательство» (*przekłeta zdrada*) Михаила Глинского, а также «вялость» и «*oziębłość*» (холодность, безразличие) поляков к защите Смоленска от Москвы, которые были заняты делами в Подолье и верили, что для обороны города хватит «обыденного мужества» смолян²². В данном произведении автор традиционно для польско-литовской исторической мысли той поры подчеркивал важную роль Михаила Глинского в сдаче Смоленска в 1514 году, а также особо отмечал неспособность Польши защитить город, что привело к его потере. Как мы видим, мотив особой роли «предательства» в потере Смоленска Литвой, который подчеркивался смоленской католической шляхтой, также подчеркивается и Куновским в его поэме, однако совершает это предательство определенный человек, а не представители определенной конфессии. Как мы видим, в поэме «Великолепие Смоленска» автор опускает любые религиозные и близкие к ним причины сдачи Смоленска в 1514 году. Это и неудивительно для религиозного «диссидента», хоть и сторонника протестантизма, представители которого в Речи Посполитой в XVII веке часто являлись поборниками веротерпимости и вступали в союзы с православными против нападков со стороны католиков и униатов. Именно поэтому, как нам кажется, Куновский и не мог написать о решающей роли «Руси схизматиков» и их «бунтов» в захвате Северской и Смоленской земель Москвой.

Однако протестанты в среде смоленской шляхты не играли какой-либо роли, и поэтому взгляды Куновского, судя по всему, не пользовались большой популярностью среди местной шляхты. Нужно сказать, что такая своеобразная память о причинах потери Великим княжеством Литовским Северской и Смоленской земель стала своего рода доводом смоленской католической шляхты

¹⁶ Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). Archiwum Radziwiłłów (AR). dz. X. Dokumenty Domów Obcych. Sygn. 173. K.2 – K.3.

¹⁷ *Lopatecki K.* Kariera siedemnastowiecznego ewangelickiego szlachcica Jana Kunowskiego // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. T. LXII. Warszawa, 2018. S. 66.

¹⁸ *Ibid.* S. 59-61.

¹⁹ *Хэмнэрэк Д.* Польская поэма XVII века о великолепии Смоленска в XV–XVII вв. // *Materiali e discussioni Studi Slavistici*. T. VI. Firenze: Firenze University Press, 2009. С. 230.

²⁰ *Lopatecki K.* Kariera siedemnastowiecznego ewangelickiego szlachcica Jana Kunowskiego // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. T. LXII. Warszawa, 2018. S. 48.

²¹ *Ibid.* S. 81.

²² *Хэмнэрэк Д.* Польская поэма XVII века о великолепии Смоленска в XV–XVII вв. // *Materiali e discussioni Studi Slavistici*. T. VI. Firenze: Firenze University Press, 2009. С. 238-239.

для выстраивания политики религиозной нетерпимости на территории Смоленского воеводства.

После издания этой прерогативы смоленская католическая шляхта начала наступление на права православных Смоленского воеводства. Как стало известно в Москве, в Смоленске «заповедь была, чтоб Светлое Воскресенье праздновать в один день с поляки во всех русских городех, которые отданы на мирном постановенье к Литве»²³. В 1625 году новый униатский смоленский епископ Лев Кревза писал в Рим, что в Дорогобуже произошло волнение из-за отобрания церкви, и ему вместе с дорогобужским старостой с трудом удалось успокоить народ. Также Кревза жаловался, что католики забирают всё из православных церквей, снимают колокола и ничего не оставляют униатам для службы²⁴. После смерти короля Сигизмунда III и начала Смоленской войны с Россией, на сейме 1632 года, стремясь получить поддержку православного населения во время войны, правящие круги Речи Посполитой официально признали существование в Польско-литовском государстве не подчиненной Риму православной церкви и утвердили ее права²⁵. Однако смоленская шляхта, скорее всего, не желая повторения случившегося в начале XVI века, не собиралась признавать права «схизматиков». В январе 1634 года по просьбе смоленского воеводы Александра Гонсевского, выступившего от имени католической шляхты воеводства, новый король Владислав подтвердил «прерогативу», данную его отцом, с добавлением, что на территории воеводства запрещается строить «схизматические» церкви и организовывать собрания людей «вероисповедания любого,

святому Римскому костелу противного»²⁶. Таким образом, как мы видим, на территории Смоленского воеводства поражаются в правах не только православные, которые не могли строить и содержать церкви, но и другие религиозные «диссиденты».

Нормы, установленные в этом документе, явно шли в разрез с теми решениями, которые были приняты правящими кругами Речи Посполитой по религиозным вопросам во время Смоленской войны, и они не могли не возмутить местную православную шляхту. Сохранив верность королю во время войны с Россией, они могли надеяться на укрепление своих прав. В военном лагере под Белой они обратились к королю с просьбой о смягчении их положения. В грамоте, выданной им 10 мая 1634 года, говорилось, что они просили передать им церковь Бориса и Глеба «под мурами Смоленскими» и земельную территорию в городе, где раньше была церковь святого Авраамия. В итоге король передал им церковь Бориса и Глеба с 200 волоками, а также земельную площадь в городе, где раньше была церковь святого Авраамия, с правом иметь при ней клир, который мог пользоваться теми же правами, какими пользовалось Виленское православное братство²⁷. Как мы видим, местной православной шляхте удалось добиться от королевской власти некоторого облегчения положения православия на территории Смоленского воеводства, однако после окончания войны, когда короля не было рядом, католическая шляхта перешла к решительным действиям в отношении православных. Как пишут смоленские иезуиты, еще в 1635 году в Смоленске возникла «церковь схизматиков», которая вскоре сгорела, но была восстановлена с

²³ Флоря Б. Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20 е – 40-е гг. XVII в.) // *Revue des études slaves*. Т. 80. Fasc. 2. 1998. Р. 336.

²⁴ Шмурло Е. Ф. Римская курия на православном Востоке в 1609-1654 гг. Прага, 1928. С. 74.

²⁵ Флоря Б. Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20 е – 40-е гг. XVII в.) // *Revue des études slaves*. Т. 80. Fasc. 2. 1998. Р. 338.

²⁶ Флоря Б. Н. Прерогатива Сигизмунда III смоленской шляхте. К истории религиозной нетерпимости в Речи Посполитой первой половины XVII века // *Славяне и их соседи*. Вып. 7. Межконфессиональные связи в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XV–XVII вв. М., 1999. С. 138.

²⁷ Смоленщина в документах Литовской метрики первой половины XVII века. Владельцы и их маестности. Авт.-сост. В. А. Прохоров; ред. Ю. Н. Шорин. Смоленск, 2017. С. 232.

позволения властей. Позже туда прибыли монахи, которые сманили на свою сторону многих униатов. Когда же существование этой «синагоги», как уничижительно ее прозвали иезуиты, и действия ее клира разозлили местную шляхту, то она на сеймиках в январе 1636 года решила разрушить эту церковь до основания, что немедленно было сделано²⁸. Судя по всему, это и была церковь Бориса и Глеба, переданная местным православным по привилею Владислава. В этом же году мстиславский и могилевский епископ Сильвестр Косов хотел проехать в Смоленск, но его не пустил в город воевода Гонсевский²⁹. Как мы видим, местная католическая шляхта была настроена очень решительно по отношению к ограничениям прав православных, и даже королевская грамота не помешала им разрушить построенную церковь. Видимо, велика в этом событии была и роль иезуитов, которые, возможно, и были главными инициаторами разрушения храма (так, в своих записях они в этом событии особо отмечают ревность «наших, повсюду славных, Смоленских воинов»³⁰). Как мы видим, иезуиты играли особую роль в жизни местной шляхты и, возможно, являлись инициаторами особой религиозной нетерпимости смоленской католической шляхты.

После такого радикального действия никакого ответа со стороны королевской власти, как нам известно, не последовало, и это, как нам кажется, еще более уверило ее в своих силах по борьбе со «схизматиками». Так, на сейме 1637 послы от Смоленского воеводства столкнулись с защитником православия Адамом Киселем, который просил разрешить православным спокойно исповедовать свою веру на территории Смоленщины. Однако смоленские шляхтичи выступили против, аргументируя это тем, что православные, жалующиеся на религиозную политику Речи Посполитой, были нелояльны по отношению к ней, и это подвергало опасности контроль над приграничным

Смоленском со стороны польско-литовской шляхты. У Киселя завязался долгий спор с депутатами от Смоленского воеводства, который закончился ничем³¹. Как мы видим, смоленская католическая шляхта в своих спорах с Киселем использует всё те же доводы о «нелояльности» православных, что особенно опасно для приграничной Смоленщины, чтобы отстаивать особую религиозную нетерпимость на территории Смоленского воеводства.

В 1641 году новый смоленский воевода Кшиштоф Гонсевский назначил на должность судьи гродского смоленского кальвиниста Яна Паплонского. Против этого в том же году на сеймике выступили смоленские шляхтичи, которые с особым протестом обратились к королю. В своем обращении они писали, что Паплонский, хоть и был достойным человеком, но являлся диссидентом и поэтому не мог занять эту должность. Они ссылались на привилегии, дарованные им Сигизмундом и Владиславом, которые запрещали на территории Смоленского воеводства исповедание любых религий, кроме католической и униатской. Свою позицию они аргументировали примерно так же, как и в своем обращении перед дарованием им «Прерогативы» в 1623 году: назначение на уряды воеводства людей, не исповедавших католичество, приведет к подрыву положения римской церкви в регионе, что приведет к брожению в людских сердцах и головах, что очень опасно для пограничного воеводства. Поэтому Паплонскому предлагалось либо принять католичество, либо покинуть уряд. В этом протесте, однако, смоленские шляхтичи были еще более радикальны: они заявили, чтобы «ни одного диссидента... ни на какое достоинство и ни на какой уряд воеводства смоленского... не принимать, ... послом на сейм и депутатом на трибунал выбирать не будем...». Потом они приводят тот же аргумент, что и в предисловии к «Прерогативе»: «дизуниты» посеяли смуту в сердцах людей и тем самым способствовали захвату Смоленска неприятелем в прошлом.

²⁸ Лавровский Л. Я. Погодные записки смоленских иезуитов // Смоленская старина. Вып. 3. Ч. II. Смоленск, 1916. С. 32-33 (второй паг.).

²⁹ Там же. С. 33.

³⁰ Там же. С. 32.

³¹ Sysyn F. E. Between Poland and the Ukraine. The Dilemma of Adam Kysil, 1600-1653. Cambridge, Mass., 1985. P. 97-98.

В конце своего обращения они писали, что они, стоящие на защите «родных границ наших» и постоянно находящиеся на глазах «жадного соседа», хотят сохранить в целости «самую главную государств наших крепость» – единство веры³². Как мы видим, в этом протесте смоленская шляхта повторяет практически все те же мотивы, что и в обращении перед дарованием ей «Прерогативы» в 1623 году: невозможность существования «диссидентских» религий в приграничном воеводстве, вероломство «схизматиков», ранее сдавших Смоленск неприятелю. Однако в этом обращении звучат и новые мотивы: местная шляхта представляет себя защитниками границ Речи Посполитой от посягательств «жадного соседа» и печется о важности религиозного единства на территории Польско-литовского государства, которое представляется главным аргументом против неприятеля. Шляхтичи пошли дальше и в своей нетерпимости по отношению к «диссидентам»: теперь они отказывались назначать на уряды и выбирать послами на сейм людей, которые исповедают не католическую веру. Как мы видим, своеобразный взгляд смоленской католической шляхты на причины перехода Северских и Смоленских земель под власть Москвы в начале XVI века и здесь сыграл свою роль, и, используя его, местные шляхтичи отстаивали ограничение в правах на территории воеводства не только «схизматиков», но вообще всех религиозных «диссидентов». Однако король Владислав очень дипломатично сумел решить эту проблему. В этом же году он издал особую «Декларацию», согласно которой подтверждал запрет на строительство на территории Смоленского воеводства протестантских и православных храмов, однако специально обозначил, что все шляхтичи пользуются свободой вероисповедания и независимо от него могут занимать любые должности на территории воеводства. Под влиянием короля смоленские шляхтичи и католический епископ

Парчевский отозвали свой протест³³. Как мы видим, роль королевской власти в таких вопросах была достаточно большой, и, используя юридическую двойственность и лазейки в законах, Владислав IV в этом случае смог надавить на местное шляхетское сообщество и заставить их смириться с назначением кальвиниста на местный уряд.

После начала восстания Хмельницкого и смерти короля Владислава, более-менее лояльно настроенного по отношению к православным и протестантам, смоленская католическая шляхта, судя по всему, решила предпринять новое наступление на права «диссидентов». Перед избранием королем Яна Казимира смоленский сеймик постановил «диссидентов ни на какие уряды, депутации, посольства не принимать»³⁴. После этого на них обрушилась критика, на которую они отвечали так: «Решения смоленские там же гражданам местным принадлежат, которые вольны выбирать, что их земле нужно»³⁵. Как мы видим, после смерти Владислава, когда его «Декларация» 1641 года перестала действовать, смоленская шляхта решила добиться от нового короля признания ее требований, поставленных еще перед Владиславом. Смоляне отстаивали полную самостоятельность и независимость своих решений от мнения остальной шляхты Речи Посполитой, апеллируя к особым порядкам, которые действовали на территории воеводства (здесь речь идет, конечно, об известной «Прерогативе» и ее подтверждениях). В августе 1648 года в Россию из православного Бизюкова Крестовоздвиженского монастыря, располагавшегося на территории Смоленского воеводства, сбежали несколько монахов, которые рассказали, что они ушли оттуда, «не хотя быть в неверии», так как «ляхи» им угрожали, что после того, как они победят Хмельницкого, они убьют и чернецов

³² *Lukaszewicz J.* Dzieje kościołow wyznania helweckiego na Litwie. T. 1. Poznan, 1842. S. 236-237.

³³ *Думин С. В.* Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618-1654 гг. (по материалам Литовской метрики) // Смоленская шляхта. Т. 1. М., 2006. С. 95.

³⁴ *Jakuba Michałowskiego wojskiego lubelskiego a później kasztelana bieckiego księga pamiętnicza.* Kraków, 1864. S. 326.

³⁵ *Ibid.* S. 330.

и разорят православные церкви³⁶. Во время расспросов в Москве они подтвердили свои слова, заявив, что «их чернцов побьют всех, чтоб от них чернцов вперед бунтов не было»³⁷. Неизвестно, действительно ли «ляхи» так угрожали монахам, но их сведения могли быть отражением распространения слухов о желании местной шляхты убить всех православных, чтобы те не достались ни им, ни возможным неприятелям. Так, в июне 1649 года вяземский воевода сообщал царю со слов бывшего в Дорогобуже человека, что местный православный шляхтич Петр Салтыков (Солтык) говорил ему, что на территории Смоленского воеводства «русские люди» в уездах боятся «от Ляхов сечи; а хотят де Ляхи их сечь, чтобы они не достались ни им, ни козаком Запорожским»³⁸. Сведения Салтыкова подтверждаются письмом царского гонца из Дорогобужа, написанным в октябре 1649 года, в котором тот сообщал, что в Дорогобуже никого не осталось, кроме мещан, так как вся шляхта поехала в Смоленск на сеймик. На этом сеймике они решили «Смоленских и Дорогобужских мещан и Смоленского и Дорогобужского уезду пашенных мужиков всех посечь, чтоб от них израды не было и никому б неприятелем не достались»³⁹. В 1653 году русский посол узнал из разговора с жителями Дорогобужа, что «поляки... их всякими меры теснят и христианские церкви разоряют до остатку и называют их поганцы и еретиками». Также они сообщили, что «поляки», если начнется война с Россией, начнут убивать православных, «потому что они их не любят и называют их себе первыми злодеями»⁴⁰. Как мы видим, среди населения Смоленского воеводства, судя по всему, было достаточно хорошо известно о недоверчивом отношении к православному населению «ляхов» (местной шляхты), которые утверждали, что именно «схизматики» способствовали переходу Северских и Смоленских земель под власть

Москвы в начале XVI века, а сейчас они поддержат бунт Хмельницкого, что приведет к новой потере Смоленщины.

В заключение хотелось бы отметить, что смоленские католические шляхтичи, которые в большинстве своем являлись заслуженными «жолнерами», отличившимися в войнах с Россией и Швецией, или потомками таких людей, получив земли на территории Смоленского воеводства, считали себя главными защитниками Речи Посполитой от посягательств со стороны восточного соседа. Однако местную шляхту, жившую на границе с многовековым противником и обеспокоенную проблемой сохранения своих владений, также преследовал теперь «призрак» новой потери этого пограничного с Россией региона, и поэтому местная католическая шляхта считала очень важным также и борьбу с врагом внутренним – религиозными «диссидентами». Местная шляхта в своих документах, что интересно, не осуждала «диссидентов» с богословской точки зрения, а указывала именно на то, что эти люди (чаще всего, «схизматики») угрожают Смоленскому воеводству именно потому, что оно находится на границах с православной Москвой, которая в начале XVI века, воспользовавшись «бунтами», устроенными «схизматиками», смогла хитростью оккупировать Северскую и Смоленскую земли. Смоленские католические шляхтичи не раз заявляли, что «схизматики» и прочие «диссиденты», которые, если им дать хоть немного свободы, непременно устраивали смуты в головах местного населения, а от этого начинались настоящие бунты, что в условиях пограничного положения воеводства, скорее всего, привело бы к его новой потере, и поэтому для защиты пограничного края необходимо «единство веры». То есть главной основой для религиозной нетерпимости смоленской шляхты стоял именно вопрос безопасности воеводства со стороны внешнего врага, у которого есть много потенциальных союзников в самом воеводстве, и эти люди являются врагами внутренними, которые один раз своими действиями уже привели к потере Смоленска, и поэтому с ними надо активно бороться и всячески ограничивать их права и возможности.

³⁶Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР). Т. 3. СПб, 1861. С. 237. № 229.

³⁷ АЮЗР. Т. 3. С. 239. № 230.

³⁸ АЮЗР. Т. 3. Приложение. С. 69. № 67.

³⁹ АЮЗР. Т. 3. С. 371. № 291.

⁴⁰*Заборовский Л. В.* Католики, православные, униаты: Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Ч. 1: Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. М., 1998. С. 125-126. № 70 (в).

Библиография

Источники:

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 3. 1638–1657. СПб, 1861.

Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты: Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Ч. 1: Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. М., 1998.

Лавровский Л. Я. Погодные записки смоленских иезуитов // Смоленская старина. Вып. 3. Ч. II. Смоленск, 1916. (второй паг.).

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПб ИИ РАН). Колл. 114 (Коллекция Археографической комиссии). Оп. 1. III а – 28; III а – 30.

Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб, 1910.

Флоря Б. Н. Прерогатива Сигизмунда III смоленской шляхте. К истории религиозной нетерпимости в Речи Посполитой первой половины XVII века // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XV–XVII вв. М., 1999.

Хэмнэрэк Д. Польская поэма XVII века о великолепии Смоленска в XV–XVII вв. // *Materiali e discussioni Studi Slavistici*. Т. VI. Firenze, 2009.

Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). Archiwum Radziwiłłów (AR). dz. X. Dokumenty Domów Obcych. Sygn. 173.

Lukaszewicz J. Dzieje kosciolow wyznania helweckiego na Litwie. Т. 1. Poznan, 1842. 423 s.

Jakuba Michałowskiego wojskiego lubelskiego a później kasztelana bieckiego księga pamiętnicza. Kraków, 1864.

Литература:

Аржакова Л. М. Турецкая тема в «Сеймовых проповедях» Петра Скарги // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. № 5. СПб., 2005.

Думин С. В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг. (по материалам Литовской метрики) // Смоленская шляхта. Т. 1. М., 2006.

Смоленщина в документах Литовской метрики первой половины XVII века. Владельцы и их маетности. Авт.-сост. В. А. Прохоров; ред. Ю. Н. Шорин. Смоленск, 2017.

Флоря Б. Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой в 20-е – 40-е гг. XVII в. // *Revue des études slaves*. Т. 80. Fasc. 2. 1998.

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция и русское общество. М., 2005.

Флоря Б. Н. Сведения о землевладении русских дворян конца XVI – начала XVII века в документах Литовской метрики. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1620-1640/Russ_zemlevlad_dorogobuz/text.htm (дата обращения: 28.01.2020).

Флоря Б. Н. Унійна церква на Смоленщині в 20 х – на початку 30 х років XVII століття // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Ч. 2. Львів, 2000.

Шмурло Е. Ф. Римская курия на русском православном востоке в 1609–1654 годах. Прага, 1928.

Lopatecki K. Kariera siedemnastowiecznego ewangelickiego szlachcica Jana Kunowskiego // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. Т. LXII. Warszawa, 2018.

Sysyn F. E. Between Poland and the Ukraine. The Dilemma of Adam Kysil, 1600–1653. Cambridge, 1985.

Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Т. 4. Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2003.

Сведения об авторе

Медведев Кирилл Максимович, студент СПб ГУ, г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: история Речи Посполитой в XVII веке.

E-mail: kikamimi@mail.ru.

REASONS FOR THE INCLUSION OF SEVERIA AND SMOLENSK LANDS IN THE MOSCOW STATE IN THE LATE XV – BEGINNING OF THE XVI CENTURIES IN THE EYES OF SZLACHTA OF THE SMOLENSK VOIVODESHIP: HISTORICAL MEMORY AND POLITICS

Annotation: The article is devoted to the role played by the historical memory of the Catholic szlachta of the Smolensk Voivodeship of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which received possessions here after the seizure of these lands during the Time of Troubles in Russia, about the reasons for the transfer of Severia and Smolensk lands under the rule of Moscow in the late XV – early XVI centuries in building interreligious relations in the territory of the voivodeship. In the course of the analysis the author comes to the conclusion that the Smolensk Catholic szlachta in every possible way emphasized the special role of the Orthodox population in the seizure of Severia and Smolensk lands by Moscow, which, with their “riots”, undermined the defense capability of these border territories. Haunted by the ghost of the recent “occupation” of these lands, the Smolensk Catholic szlachta insisted on the need to preserve the “unity of faith” in order to preserve the Smolensk Voivodeship as part of the Commonwealth, and therefore tried in every possible way to limit the rights of “schismatics” and other religious “dissidents” in order to prevent their “riots” and the new loss of Severia and Smolensk lands.

Keywords: Smolensk Voivodeship, Smolensk szlachta, interreligious relations in the Polish-Lithuanian Commonwealth, Counter-Reformation in the Polish-Lithuanian Commonwealth, religious intolerance in the Polish-Lithuanian Commonwealth.

References

Sources:

Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoi i Zapadnoi Rossii [Acts relating to the history of Southern and Western Russia]. Vol. 3. 1638 –1657. St. Petersburg, 1861. (In Russian).

Zaborovskii L. V. Katoliki, pravoslavnye, uniaty: Problemy religii v russko-pol'sko-ukrainskikh otnosheniyakh kontsa 40-kh – 80-kh gg. XVII v. Dokumenty. Issledovaniya. Ch. 1: Istochniki vremeni getmanstva B. M. Khmel'nitskogo [Catholics, Orthodox, Uniates: Problems of Religion in Russian-Polish-Ukrainian Relations of the Late 40s – 80s of the XVII century. Documents. Research. Part 1: Sources of the time of the Hetman B. M. Khmelnitsky]. Moscow, 1998. (In Russian).

Lavrovskii L. Y. Pogodnyya zapiski smolenskikh iezuitov [Annual notes of the Smolensk Jesuits] // Smolenskaya starina. Iss. 3. Part 2. Smolensk, 1916. (second pag.) (In Russian).

Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN (Arkhiv SPb II RAN) [Scientific-Historical Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Koll. 114 (Kollektsiya Arkheograficheskoi komissii). Op. 1. III a – 28; III a – 30. (In Polish).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 14. Novyi letopisets. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

Florya B. N. Prerogativa Sigizmunda III smolenskoj shlyakhte. K istorii religioznoj neterpimosti v Rechi Pospolitoj pervoi poloviny XVII veka [The prerogative of Sigismund III to the Smolensk szlachta. Towards the history of religious intolerance in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the first half of the XVII century] // Slavyane i ikh sosedi. Vyp. 7. Mezkhkonnatsional'nye svyazi v Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evrope v XV–XVII vv. Moscow, 1999. (In Russian).

Chemperek D. Pol'skaya poema XVII veka o velikolepii Smolenska v XV–XVII vv. [The XVII century Polish poem about the splendor of Smolensk in the XV–XVII centuries] // Materiali e discussioni Studi Slavistici. Vol. VI. Firenze, 2009. (In Russian).

Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). Archiwum Radziwiłłów (AR) [Central Archives of Historical Records (AGAD). The Radziwiłł Archive (AR)]. dz. X. Dokumenty Domów Obcych [Documents of Foreign Houses]. Sygn. 173. (In Polish).

Lukaszewicz J. Dzieje kościołow wyznania helweckiego na Litwie [History of the Helvetic churches in Lithuania]. Vol. 1. Poznan, 1842. (In Polish).

Jakuba Michałowskiego wojskiego lubelskiego a później kasztelana bieckiego księga pamiętnicza [The memoir book of Jakub Michalowski, the wojski of Lublin and later the castellan of Bieck]. Kraków, 1864. (In Polish).

Researches:

Arzhakova L. M. Turetskaya tema v “Seimovykh propovedyakh” Petra Skargi [The Turkish theme in “Sejm Sermons” by Piotr Skarga] // Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni. No. 5. St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Dumin S. V. Smolenskoe voevodstvo v sostave Rechi Pospolitoi v 1618–1654 gg. (po materialam Litovskoi metriki) [Smolensk Voivodeship as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1618–1654 (based on the materials of the Lithuanian metric)] // Smolenskaya shlyakhta. Vol. 1. Moscow, 2006. (In Russian)

Smolenshchina v dokumentakh Litovskoi metriki pervoi poloviny XVII veka. Vladel'tsy i ikh maetnosti [Smolensk region in the documents of the Lithuanian metric of the first half of the XVII century. Owners and their possessions]. Auth.-comp. V. A. Prokhorov; ed. Yu. N. Shorin. Smolensk, 2017. (In Russian).

Florya B. N. Polozhenie pravoslavnogo naseleniya Smolenshchiny v sostave Rechi Pospolitoi v 20-e – 40-e gg. XVII v. [The position of the Orthodox population of the Smolensk region within the Commonwealth of the 20s – 40s of the XVII century] // Revue des études slaves. Vol. 80. Fasc. 2. 1998. (In Russian).

Florya B. N. Pol'sko-litovskaya interventsia i russkoe obshchestvo [Polish-Lithuanian intervention and Russian society]. Moscow, 2005. (In Russian).

Florya B. N. Svedeniya o zemlevladienii russkikh dvoryan kontsa XVI – nachala XVII veka v dokumentakh Litovskoi metriki [Information about the land ownership of the Russian noblemen of the late XVI – early XVII centuries in the documents of the Lithuanian metric]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1620-1640/Russ_zemlevlad_dorogobuz/text.htm (accessed: 28.01.2020). (In Russian).

Florya B. N. Uniina tserkva na Smolenshchini v 20-h – na pochatku 30-h rokiv XVII stolittya [Uniate Church in the Smolensk region in the 20s – early 30s of the XVII century] // Kovcheg. Naukovii zbirnik iz tserkovnoï istorii. Part. 2. Lviv, 2000. (In Ukrainian).

Shmurlo E. F. Rimskaya kuriya na russkom pravoslavnom vostokey v 1609–1654 godakh [Roman Curia in the Russian Orthodox East in 1609–1654]. Prague, 1928. (In Russian).

Lopatecki K. Kariera siedemnastowiecznego ewangelickiego szlachcica Jana Kunowskiego [The career of the XVII-century evangelical nobleman Jan Kunowski] // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Vol. LXII. Warszawa, 2018. (In Polish).

Sysyn F. E. Between Poland and the Ukraine. The Dilemma of Adam Kysil, 1600–1653. Cambridge, 1985. (In English).

Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy [Officials of the Grand Duchy of Lithuania: censuses]. Vol. 4. Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2003. 412 p. (In Polish).

About the author

Medvedev Kiril M., student of SPbSU, St. Petersburg (Russia).

E-mail: kikamimi@mail.ru